

Демьяненко Д.В.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ НАРРАЦИЯ В КНИГЕ МАЙКЛА КЕРРА
«НАСКОЛЬКО Я ПОМНЮ»[©]**

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Россия, Санкт-Петербург, ddemyanenkova@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена книге воспоминаний Майкла Керра «Насколько я помню» (*As Far as I Remember*, 2002). Тема травматической памяти раскрывается на материале автобиографической прозы, одного из наиболее востребованных жанров в литературе и литературоведении последних десятилетий. Опираясь на конкретные наблюдения над текстом и жанровой структурой книги Керра, автор статьи анализирует центральную проблематику автобиографического дискурса – конфликт между установкой на достоверность и неизбежностью преобразования прошлого. Особое внимание уделяется метапозиции рассказчика, подчеркнутой в заглавии книги. Анализ работы собственной памяти, сопровождающий развитие темы изгнания и преодоления травмы изгнания, проходит через всю книгу, что до известной степени включает ее в контекст поэтики эпохи постмодернизма.

Ключевые слова: автобиография; мемуары; Керр; коллективная память; индивидуальная память; Вторая мировая война.

Поступила: 31.01.2024

Принята к печати: 25.06.2024

Demianenkova D.V.

**Autobiographical narration in Michael Kerr's book
As Far as I Remember®**

*Herzen State Pedagogical University,
Russian Federation, Saint Petersburg, ddemyanenkova@bk.ru*

Abstract. The article focuses on the book of memoirs by Michael Kerr “As Far as I Remember” (2002). The topic of traumatic memory is revealed based on the material of autobiographical prose, one of the most popular genres in literature and literary criticism in recent decades. Based on specific observations of the text and genre structure of Kerr’s book, the author analyzes central issues of autobiographical discourse. Particular attention is paid to the narrator’s metaposition, emphasized in the title of the book. Analysis of the work of one’s own memory, which accompanies the development of the theme of exile and overcoming the trauma of exile, runs through the entire book, which to a certain extent includes it in the context of the postmodern era’s poetics.

Keywords: autobiography; memoirs; Kerr; collective memory; individual memory; The Second World War.

Received: 31.01.2024

Accepted: 25.06.2024

Введение

Среди автобиографических свидетельств, отразивших травматический опыт беженцев из нацистской Германии, заметное место занимают тексты, созданные членами семьи Альфреда Керра – одного из самых влиятельных литературных и театральных критиков первой половины XX в.

Когда в 1933 г. книги Керра были приговорены нацистами к сожжению, он был вынужден отправиться в изгнание, и после двухлетних скитаний по Европе семья Керров нашла прибежище в Лондоне. До своей смерти в 1948 г. Керр продолжал заниматься литературным трудом: его обширная переписка, путевые очерки, эссеистика, дневник под названием «Я приехал в Англию» были опубликованы посмертно [Kerr A., 1998]. В 1960-е годы в литературу вступает и его выросшая в Англии дочь Джудит, автор автобиографической трилогии «Во времена фашизма» (1971–1975),

которая была переведена на несколько языков (в том числе и на русский¹) и вошла – наряду с некоторыми другими ее книгами (например, «Тигр, который пришел выпить чаю», 1968) – в золотой фонд детской литературы. Наконец, в 2002 г. вышли в свет и воспоминания ее старшего брата Майкла, ставшего одним из самых известных британских юристов и описавшего свою жизнь в книге «Насколько я помню». Так сложился своего рода семейный гипертекст, состоящий из нескольких перекликающихся автобиографических произведений.

Очертания семейного гипертекста

Автобиографическая проза Альфреда Керра и его детей изучена слабо. Даже детским книгам Джудит Керр, заслужившим признание широкой читательской аудитории, посвящено лишь несколько критических статей, в которых исследуется не столько их поэтика, сколько воспитательное значение. Литература о позднем творчестве Альфреда Керра ограничивается двумя работами. Одна из них – диссертация К. Вендлера «Альфред Керр в изгнании» (Берлин, 1981), в составе которой впервые была опубликована часть переписки Керра периода эмиграции, другая – книга Р. Дава «Путешествие без возвращения. Немецкие изгнанники в Великобритании 1933–1945» (Лондон, 2001), где глава, посвященная Керру, реконструирует обстоятельства его жизни в Англии. Что же касается воспоминаний его сына Майкла, в которых события большой истории упоминаются очень скупо и тем не менее определяют малую историю становления личности автора, то значение его книги до настоящего времени совершенно не раскрыто. Между тем произведения членов семьи Альфреда Керра представляют несомненный научный интерес – не только как свидетельства субъективного переживания трагической истории XX в., но и как опыты его литературно-художественной репрезентации.

Едва ли существует другая семья еврейских интеллектуалов, история которой была бы описана в нескольких текстах, принад-

¹ Керр Дж. Как Гитлер украл розового кролика. – Москва : Альбус корвус, 2017. – 264 с.

Керр Дж. Как Бог съел что-то не то. – Москва : Альбус корвус, 2019. – 261 с.

Керр Дж. А мама дома? – Москва : Альбус корвус, 2021. – 247 с.

лежащих представителям разных поколений, по-разному переживающих и осмысляющих драму изгнания. В центре эмигрантских автобиографий долгое время находилась автономная личность взрослого, уже сложившегося человека. Поколение детей, выросших в эмигрантских семьях, стало привлекать к себе внимание лишь в 1980-е годы в контексте педагогических, психоаналитических и исторических исследований холокоста, вошедших в моду в Америке. В результате, с одной стороны, было доказано, что дети беженцев «отрабатывают» переживания, связанные с изгнанием и аккультурацией труднее, чем взрослые, а с другой, была выявлена проблема «тривиализации» травматических воспоминаний у эмигрантов второго поколения. Однако комплексное исследование положения детей и молодежи в изгнании до настоящего времени отсутствует. На этом фоне диалог между авторами трех частей автобиографического гипертекста Керров предоставляет уникальный материал для выявления чувства жизни, присущего представителям второго поколения эмигрантов – особенно в тех случаях, когда одни и те же события семейной истории изображаются с разных точек зрения или по-разному интегрируются в повествование, изменяя художественную функцию в составе целого.

Так, специфика детского восприятия эмиграции, подробно разработанная в романах Джудит Керр, отчетливо выявляется на фоне восприятия взрослых, зафиксированного в дневниках ее отца. Например, Альфред Керр, вынужденный распрощаться с привычной для него ролью непререкаемого законодателя литературных вкусов, обостренно переживает понижение своего статуса в условиях эмиграции, а в душе его дочери, маленькой Анны, под именем которой ведет рассказ Джудит Керр, разочарование отца откликается смутными сомнениями в его всемогуществе.

Заметные различия между текстами Альфреда Керра и его детей обнаруживаются также в области композиции, определяющей их жанровую специфику. Дневник Альфреда Керра фрагментарен; эпизоды из английской жизни перемежаются с воспоминаниями о прошлом, и их отбор и последовательность мотивированы художественной задачей раскрытия той или иной конкретной темы. Автор не стремится создать связный текст своей жизни, восстановить причинно-следственную связь событий в их хронологической последовательности. Напротив, в текстах представителей

второго поколения семьи Керров, Джудит и Майкла, преобладает мотивировка реалистическая. Стремясь к максимальной полноте, жизненности и правдивости повествования, они создают произведения, в которых реконструируют логику становления личности своих автобиографических героев. Каждый отдельный эпизод призван эту логику подтвердить, убедить читателя в том, что результатом жизни героя явилась победа над обстоятельствами, изживание травмы изгнанничества и обретение новой идентичности.

Еще одним существенным отличием произведений Джудит и Майкла Керра от эмигрантских текстов их отца является принципиальный отказ от суждений идеологического характера. В центре внимания обоих авторов – повседневная жизнь частных людей в условиях вынужденной эмиграции. Мотивы и факты расовых и политических преследований не артикулируются открыто, а намеренно оставляются «за кадром», образуя лишь эмоциональный фон эмигрантского быта и детей, и взрослых. Сознательная редукция истории к быту позволяет видеть в них особый вариант автобиографического повествования, соответствующий упомянутому выше принципу «тривиализации» травмы.

Воспоминания сэра Майкла

Книга воспоминаний Майкла Керра (1921–2002) «Насколько я помню» (*As Far as I Remember*, 2002) создавалась в 1990-е годы, когда автору, известному британскому юристу, было больше 70 лет. В отличие от своей сестры Джудит, Майкл Керр не был профессиональным писателем и не рассчитывал на внимание широкой публики. Первоначально его автобиография предназначалась для младшего поколения семьи Керров. Главная задача заключалась, как можно думать, в том, чтобы сохранить историю своей жизни как часть истории семьи, вобравшей в себя драму утраты и обретения национальной и культурной идентичности.

Основной текст книги Керра состоит из 72 коротких глав, предисловия и нескольких послесловий. Первые 58 глав были напечатаны на средства автора в 1994 г. В течение последующих восьми лет текст был Керром значительно расширен, отредактирован и снабжен несколькими послесловиями. Вторая версия книги, вышедшая вскоре после смерти автора в 2002 г., значительно

отличается от первой. Примечательно, что и в окончательной редакции большая часть книги (58 глав) посвящена описанию первых тридцати лет его жизни – периоду становления личности.

Во вступительных главах Майкл Керр относит свою книгу к жанру мемуаров, а в последних главах называет ее автобиографией, но формулировки, которые он находит для определения того и другого жанра почти совпадают. Автобиография, как и мемуары, полагает Керр, представляет собой хронику жизни человека, каким он себя запомнил. В обоих случаях центром является личность автора, факты жизни преломляются сквозь призму его памяти, ограниченной сознанием вспоминающего «я». Эта установка и выражена в названии «Насколько я помню».

Вопрос о жанровой границе между мемуарами и автобиографией едва ли может быть решен однозначно. Как отмечал Рой Паскаль, всякая автобиография является в каком-то смысле мемуарами, и не существует мемуаров без признаков автобиографии. В том и другом случае основу повествования составляет личный опыт и его осмысление. Наиболее явное различие заключается в том, что в автобиографии на передний план выдвинута личность рассказчика, субъект повествования, представляющий интерес как частное лицо, тогда как автор мемуаров выступает в качестве свидетеля и участника общезначимых исторических событий, которые, хотя и предстают в характеризующей рассказчика субъективной перспективе, являются тем не менее главным предметом изображения [Pascal, 1998].

Если исходить из этой классификации, то воспоминания Керра следует отнести скорее к жанровой форме автобиографии. Он сам подсказывает это решение, подчеркивая, что опирался не на исторические документы, а на личный дневник и автобиографические романы сестры, Джудит Керр, и не стремился к созданию объективной картины прошлого, чтобы с ним примириться: «В конце концов, писать мемуары – значит писать только о себе; излагать впечатления о том, какой была ваша жизнь, и как вы видели жизнь других людей. Для писателя это гораздо интереснее того, что произошло “на самом деле”. Большая часть событий нашей жизни происходит независимо от наших желаний и намерений, и в этом смысле случайна. Но то, как человек их помнит, во многом зависит от него самого»¹. [Kerr, 2002, p. 2].

¹ Перевод наш. – Д.Д.

Хотя Керр и называет свою книгу мемуарами, события большой истории в ней прямо не изображаются, исторический фон лишь более или менее явно проступает сквозь картины частной жизни.

Как полагал Ф. Лежён, жанровая специфика автобиографии может быть уточнена, исходя из «автобиографического пакта», не столько на уровне производства текста, сколько на уровне его рецепции. Текст воспринимается читателем как автобиография, если рассказ ведется от первого лица, если имеет место персональное тождество автора, повествователя и главного героя, обозначаемых одним и тем же именем, а вымышленные имена отсутствуют [Lejeune, 1996].

Книга Майкла Керра этим условиям в полной мере отвечает: она написана от первого лица, автор, рассказчик и протагонист выступают под одним именем, и имена всех других персонажей совпадают с именами реально присутствовавших в жизни Керра людей. Это заметно отличает его книгу от одного из ее источников – автобиографической трилогии, написанной его сестрой Джудит, где изменение имен и использование третьего лица служит средством дистанцирования от прошлого и его художественной стилизации. Тем не менее от художественной обработки автобиографического материала Керр отнюдь не отказывается: стремление к подлинности сочетается у него со стремлением к беллетризации. Именно это напряжение между двумя текстовыми стратегиями – «автобиографический пакт» по Лежёну и «вымышленный договор» в понимании В. Изера [Iser, 1968] – и питает энергию его повествования. Тематизируя проблему памяти и сознательно нарушая хронологию событий, объединяя их вокруг центральных эпизодов, Керр формирует такую структуру рецепции, в которой элементы беллетризации не противоречили бы аутентичности, а поддерживали ее.

В чем же заключался тайный мотив создания книги и порождающий принцип ее нарративной структуры? Прямо Керр об этом нигде не пишет. Но одна из глав («Разочарования»), рассказывающая о болезни и страхе смерти, позволяет предположить, что им владело желание сохранить свое «я» в его субъективном своеобразии, увековечить свою жизнь в пространстве памяти, способной не только однократно воссоздать прошлое, но и навсегда закрепить его на страницах книги вопреки течению времени и неумолимо надвигающейся смерти. В этом отношении Майкл Керр продолжал традицию своего отца, у которого тема письма перед

лицом смерти была развернута в повести «Поэт и морские свинки» (*Der Dichter und die Meerschweinchen: Clemens Tecks letztes Experiment*, 2004). Написать книгу воспоминаний значило упразднить необратимость времени, закрепить за прошлым место в будущем. Жизнь, преобразованная в текст, становится вечной, вечно воспроизводимой в памяти тех, у кого есть будущее.

Условием успеха этой операции Керр представляется абсолютная достоверность воспоминаний. Дарить вечную жизнь своему искаженному образу Керр не хочет. Абстрактной объективности он противопоставляет аутентичность субъективных восприятий, реальности, существовавшей для всех, — реальность своего личного опыта. С этим связан один из сквозных мотивов книги — мотив несовершенства индивидуальной памяти. Настаивая на ее ограниченности, Керр воспроизводит старинный, восходящий к античной и средневековой поэтике «топос авторского смирения»: зачин повести о великом прошлом должен был включать заверение автора в том, что он ясно сознает свое ничтожество, глубоко сомневается в своих способностях понять и выразить смысл изображаемых им событий и все же решается на этот шаг, повинаясь велению свыше или внутреннему голосу [Curtius, 1993, p. 94–95]. Модифицированные варианты этой формулы сохранились и в литературе XX в.: например, в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» (1947). Можно предположить, что этот роман, пользовавшийся большой известностью, знал и прекрасно образованный Майкл Керр, выходец из Германии и участник Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции.

След формулы авторского смирения не раз встречается в его книге, где несколько глав начинаются с замечания о том, что автор многого не помнит и вряд ли был бы способен воссоздать прошлое, если бы сестра Джудит, у которой память гораздо лучше, ему не подсказывала, и у него не было бы возможности опираться на ее, вышедшую на 20 лет раньше, автобиографическую трилогию «Во времена фашизма» (*Out of the Hitler Time*) [Kerr, 2002, p. 271]. Подтверждением этих признаний служит и дополнение, которое Керр дает в послесловии: «Она [Джудит] считает, что, хотя я полностью правильно понял свою мать, в некотором смысле я не смог воссоздать истинный образ своего отца <...>. Я согласен с тем, что она говорит, и резюмирую это здесь» [Kerr, 2002, p. 339].

Еще одним примером подчеркнутой неуверенности автора в себе являются его опасения в том, что «мелочи» быта, на которых он в своем рассказе слишком часто останавливается, могут наскучить читателю, но иначе писать он не умеет, хотя и признает, что они лишены, скорее всего, всякого смысла, как лишена смысла и его собственная личность. «Все это, – пишет Керр о своем сочинении, – лишь фрагмент нескладного целого, состоящего из множества мелочей жизни. В долгосрочной перспективе он не имеет значения. Но требуется много времени, чтобы открыть все это для себя заново. *Tout passe, tout casse, tout lasse* (ничто не вечно под луной)». Служение закону (Майкл Керр был судьей верховного суда Англии. – Д.Д.), возможно, сделало меня скучным, но не внушило мне чувства собственной важности» [Керр, 2002, р. 286].

Сомневаясь в ценности своего сочинения и самой своей личности, автор вступает в противоречие с автобиографическим проектом, в центре которого именно личность автора. Но дело в том, что все его смиренные оговорки – паче гордости. Их функция – забота о достоверности рассказа, демонстрация принципиальной установки автора на изображение только того, что доступно его памяти, и, следовательно, существовало для него на самом деле, а не является плодом отвлеченных суждений и домыслов, подсказанных общепринятыми историческими нарративами и господствующими представлениями о том прошлом, которому посвящена его книга. Перед лицом надвигающейся смерти он практически не боится саморазоблачения ни перед своими детьми, ни перед коллегами-юристами, воспринимая свою откровенность как цену того бессмертия, которое должна подарить ему книга.

Вместе с тем установка на правду сочетается у Керра с недоверием к интроспективному самоанализу. Он сознательно отмежевывается от того типа исповедальной автобиографии, который со времен Августина вошел в историю литературы под названием «жизнь души» (*vita animae*). Свою задачу он видит не в изложении жизни *anima*, но жизни его как «я» действующего, формирующегося во взаимодействии с внешней действительностью [Кемпер, 2009, с. 11]. «Я не собираюсь писать о том, что обычно называют внутренней жизнью. Эта работа должна стать рассказом о фактах, о том, что произошло. Я планирую рассказывать о чувствах только в том случае, если они появились вследствие описываемых событий»

[Керр, 2002, р. 2]. Причина ориентации на факты также заключается в поисках абсолютной правды. Погружение в свой внутренний мир может слишком активизировать как работу воображения, так и влияние расхожих психологических теорий. Оно таит в себе не меньшую угрозу отрыва от подлинной реальности «я», чем подчинение социальным стереотипам и подмена единичной и неповторимой в ее конкретных свойствах индивидуальности обобщенным историческим характером.

Повышению достоверности воспоминаний служит и открытое моделирование прошлого с точки зрения настоящего. Керр знает, что картина прошлого обусловлена настоящим, является его проекцией: отрицание этой обусловленности ведет к фальши. Отсюда подчеркнутое внимание Керра к структуре времени, к отношению между вспоминаемым «я» и «я» вспоминающим, тем, которое сформировалось под влиянием позднейших событий и является продуктом другого времени. Керр не скрывает того, что, несмотря на использование старых дневниковых записей и архива семьи, авторская рефлексия не столько сопровождает историю его жизни, сколько конструирует ее ретроспективно.

Ретроспективная конструкция, то есть целеустремленный отбор изображаемого и организация событий в структурное единство с точки зрения настоящего, представляется Керру не только неизбежной, но и необходимой. Упрощая извилистый лабиринт прошедшей жизни, он стремится упорядочить сумму разрозненных фактов на основе принципа когерентности, выстроить из них историю становления личности, обладающую смыслом. Достоверность «мелочей» должна была лечь в основу большой правды.

Средствами этого преобразования служит у Керра распределение материала с опорой на время и место действия, на образы персонажей, оказавших наибольшее влияние на его личность, и ключевые события, участие в которых определило его жизненный путь. Значительная часть глав имеет «хронотопические» названия («Швейцария», «Во Францию», «Париж – начало», «Париж – второй год», «В Ниццу»), другие названы именами близких людей («Мишель») и лишь два заголовка открыто указывают на события большой истории – глава «Интернирование», содержащая рассказ о принудительной изоляции, которой семья Керров подверглась после нападения Гитлера на Францию, и глава «Освобождение»,

повествующая об участии Керра в боевых действиях в составе Королевских ВВС. Однако место и роль этих эпизодов в композиции книги исключительно велики. Именно они яснее всего свидетельствуют о понимании Керром неразрывной связи между конкретной индивидуальностью и историческими обстоятельствами, образом «я» и образом мира.

Заключение

Характерная для Майкла Керра установка на достоверность воспоминаний не отменяет сквозной нарративной мотивировки, обуславливающей когерентную связь изображаемых событий и их авторскую оценку. На концептуальность автобиографии Майкла Керра указывает уже предпосланный ей эпиграф – высказывание, которое, как замечает автор, часто повторял его знаменитый отец: *À quelque chose malheur est bon* [«Не было бы счастья, да несчастье помогло»]. На протяжении всего рассказа Майкл Керр снова и снова пытается представить вынужденное бегство своей семьи из Германии как условие и фактор своей самореализации, своего профессионального роста и благополучия, а главное, обретения своего собственного Я. Эмиграция предстает не только как разрыв с дорогим прошлым, но и как своего рода «промысел» судьбы, изначально заданное индивидуальное предназначение. Оборачиваясь благом, разрыв с прошлым лишается трагической окончательности. Выражение *on retourne toujours* («мы всегда возвращаемся»), впервые встречающееся уже в предисловии [Kerr, 2002, p. 7], затем неоднократно повторяется или варьируется в основном тексте (*The wheel has come full circle* – «Колесо совершило полный круг») [Kerr, 2002, p. 7, 43, 334] и, приобретая значение символического лейтмотива, реализуется в его мотивной структуре. Так, Керр несколько раз упоминает о том, что носит обручальное кольцо своей матери и охотно отмечает, что похож на своего деда, а его собственные дети – на тех или иных родственников старшего поколения [Kerr, 2002, p. 7–8, 12]. Тема возврата прошлого в новом обличье явственно соотносится с исходной целью автобиографической нарративной, в понимании которой Майкл Керр опирается на глубокую традицию мировой культуры – отменить смерть, противопоставив ей вечное возвращение жизни, воплощенной в слове.

Список литературы

- Кемпер Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 384 с.
- Curtius E.R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. – Tübingen ; Basel : Francke, 1993. – 608 S.
- Iser W. Reduktionsformen der Subjektivität // Die nicht mehr schönen Künste. Grenzphänomene des Ästhetischen / H.-R. Jauf (Hrsg.). – München : Fink, 1968. – P. 435–491.
- Kerr A. Erlebtes. Deutsche Landschaften, Menschen und Städte / hrsg. von G. Rühle. – Frankfurt a.M. : S. Fischer, 1998. – 576 p. – (Kerr A. Werke in Einzelbänden; Bd. 1).
- Kerr M. As far as I remember. – Oxford : Hart Publishing, 2002. – 356 p.
- Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. – Paris : Seuil, 1996. – 384 p.
- Pascal R. Die Autobiographie als Kunstform // Die Autobiographie. Zu Form und Geschichte einer literarischen Gattung / hrsg. von G. Niggel. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. – S. 148–157.

References

- Kemper, D. (2009). *Gyote i problema individual'nosti v kul'ture epohi moderna*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Curtius, E.R. (1993). *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Tübingen; Basel: Francke.
- Iser, W. (1968). Reduktionsformen der Subjektivität. In H.-R. Jauf (Hrsg.), *Die nicht mehr schönen Künste. Grenzphänomene des Ästhetischen* (pp. 435–491). München: Fink.
- Kerr, A. (1998). *Erlebtes. Deutsche Landschaften, Menschen und Städte* (G. Rühle, hrsg.). Frankfurt a.M.: S. Fischer.
- Kerr, M. (2002). *As Far as I Remember*. Oxford: Hart Publishing.
- Lejeune, Ph. (1996). *Le pacte autobiographique*. Paris: Seuil.
- Pascal, R. (1998). Die Autobiographie als Kunstform. In G. Niggel (Ed.), *Die Autobiographie. Zu Form und Geschichte einer literarischen Gattung* (pp. 148–157). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Об авторе

Демьяненко Дарья Викторовна – соискатель кафедры зарубежной литературы РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, ddemyanenkova@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1008-1310

About the author

Demianenkova Daria Viktorovna – postgraduate student, Foreign Literature dept., Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ddemyanenkova@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1008-1310